

S.S 2002

12+

Глубочайшая боль

за столиком сидели двое...

S.S 2002

Глубочайшая боль

«ЛитРес: Самиздат»

2019

S.S 2002

Глубочайшая боль / S.S 2002 — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9781-0

Книга повествует о поисках героя своего места в жизни. Размышления, на первый взгляд о обыденности, приводят к значительным переменам. Действия повести №1 происходят в социуме; это о том, как один человек поставил перед собой цель поиска сокровенного. Коктейль повести №2 имеет фантастическую, космическую добавку, затрагивая всё те же тяжелые размышления о жизни. В оформлении обложки использовалась фотография Миназовой А.Р. В качестве иллюстраций использовались одноименная книге картина и набросок муравьев в исполнении автора.

ISBN 978-5-5320-9781-0

© S.S 2002, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Рассказ 1	5
Рассказ 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рассказ 1

Эпилог.

С появлением собственного сознания я мечтал жить в отдалённых от цивилизации местах (но не лишённых коммуникаций и инновационных средств общения). Жить в собственном домике среди высоченных хвойных лесов, возле холмов или горного ручья, возле огромных зелёных полей. Уединение с миром – вот чего ждёт моя душа. И кто бы не мечтал о спокойном тихом отпуске после надоедливой, но головокружительного, живого, городского ритма? Вот тут и рождается мой диссонанс существования.

Много людей уже писало о людях, домах, городах. Я не стану исключением, рассказав Вам о своих отношениях с человеческим муравейником.

Chapter

1

Наш дом жил возле маленькой поляны, по раннему лету каждый год усыпанному жёлтым ковром одуванчиков, за поляной было маленькое озерцо, на котором плескались стаи домашних гусей, возле небольшого количества соседских домов. Дом номер 11 деревянного края, обшитый декоративными плитами и раз в пару лет окрашиваемыми в нежнейшие тона розового. У меня с самого раннего детства была невероятная любовь к прополке огорода и поеданию маленьких, ещё не созревших, кислых яблок. Смородиновое варенье, как правило, водилось всегда и было нескончаемым пищевым ресурсом. Я помню ребяческие развлечения во дворе, выжигание лупой рожиц на листиках всё лето неувядающих кустов; оборону снежных замков от нападений соседних королевств; вычесывание пса, ловлю кузнечиков, сбор цветов для зимнего гербария и урожая для собственного пропитания. Но у меня нет ни единого воспоминания о жизни в стенах нашего собственного, родного дома, расположенного в частном секторе совсем маленького городишка. Как бы сложно не складывались мои взаимоотношения с окружающим миром, я всегда бежал домой, зная, что спасение, спокойствие и любовь ждут меня именно там.

Как только шальная юность брызнула не в глаза, я устремился в город, к БОльшей цивилизации. Я не думал о возможностях и перспективах, у меня напрочь отсутствовали амбиции. Переехать в город, на съёмную квартиру, было решение для доказательства своей самостоятельности. И тогда я потерял свой дом – сруб с крышей набитый моей семьёй так и стоял на своём месте, но душа дома осталась воспоминанием. Чем старше я становился, тем сильнее чувствовал необходимость в собственном доме. Я встал на дорожку поиска.

Первая квартира, в которой мне довелось жить была похожа на картонную коробку. Каких-либо проблем с арендодателем мы не испытывали, жили вдвоём с ещё одним квартиросъёмщиком моих же лет и такого же нулевого опыта самостоятельной жизни. Стены были тонкие, плохо шумоизолированы, что в первый же год навело на грустные мысли о бездушие этого здания. Его построили четыре года назад, но жильцы так и не вложили в него свою любовь. Проходя мимо квартирных площадок, всего две квартиры излучали уют. Из-за однотонности и неопрятности цвета, в который был выкрашен подъезд, думалось, будто время там остановилось.

Котята, выброшенные под почтовыми ящиками в коробке из-под какой-то бытовой техники, бегали по лестничным клеткам, наблюдали из-за тёмных поворотов парадной, казались пленниками уродливой структуры жизни дома. Наша квартира не была животворящим исключением. Ничего, кроме предметов первой необходимости, не заполняло холодные квадратные метры. Погоду в доме, говорят, создают общением. Мы редко пили чай вместе и ещё реже душевно говорили. За два года прожитых вдвоём, нас сплотило всего одно происшествие –

нашествие муравьёв. Занятное дело, выявлять штабы оранжевых и чересчур мелких насекомых. Они заполнили уборную, но больше пугали присутствием на кухне. Обнаружены, кстати, были совершенно случайно, в одно утро, которое не стало для меня добрым. Наконец решившись себя порадовать, с вечера, после затянувшегося учебного дня, я прошёл через пекарню, купив невероятную, слоёную булочку. Сахарно-коричная начинка, чуть вытекшая и подпечённая между слоёв хрустящего на поверхности и тающего внутри пышного теста, так и пророчила необыкновенное начало пятничного дня. Творение кулинарии, завёрнутое в целлофановый кулёк, было оставлено на кухонном столе. Утренние умывальные процедуры прошли на высшем уровне предвкушения (прошли они мимо за начало завтрака). Заваренный, крепкий пакетированный чай, разбавленный молоком непонятного, скорее всего синтетического, происхождения, в то время был лучшим вариантом напитков, которые я мог себе позволить, ждал своей очереди, помочь кусочку булочки добраться до желудка. Ожиданием от этого утра было наслаждение. И, наверное, лукавый нашептал мне на ушко всмотреться в лакомую булочку. Вместе с бурым сахаром на поверхности, словно кондитерской посыпкой, слойка пестрила прилипшими муравьями. Остаток колонии уже штурмовал мои руки, добираясь до локтей и колко кусая. Сmaak потерял возможности существования, как мы потеряли спокойные ночи. Не знаю, как долго мы жили с «соседями», но после знакомства, потеряв всякий стыд, они посещали наши кровати, разделяя ложе и нанося ужасные физические ощущения. Зуд, покраснения и чесотка стали моими спутниками, такими же явными, как и не покидающее чувство постоянно ползающих под одеждой, в волосах и на лице муравьёв. У меня стремительно развивалась паранойя. Вывести неприглашенных гостей удалось спустя множество вариантов использованного яда.

Завершив второй год тамошнего проживания, пришлось съехать с квартиры. На лето я вернулся в отчий дом. Все три месяца, прожитых в родных стенах, стали началом размышлений о нахождении собственно места успокоения. Я не вернулся домой, всего лишь приехал погостить. У меня ничего не осталось. Друзья детства – сплошное воспоминание. И как бы мне не хотелось взрослеть, это было медленно и неизбежно. В компании, которая совсем недавно была приоритетом моей жизни, я чувствовал себя не в своей тарелки. Ручеёк втёк в море, оставив прирусловые камни в дали от нынешнего круговорота событий. Родные, чьи взгляды на жизнь имели наивысшую ценность и являлись примером восприятия мира, стали досажать своей назойливостью. За этот небольшой промежуток времени мой разум приобрёл небольшую возможность для самореализации и теперь, вопросы восприятия мира ярко контрастировали с прошлыми взглядами. Это ежедневно развивало острые конфликтные ситуации, усугубляя внутреннее состояние. Лето окончилось мыслью о неправильном жизненном понятии и новым переездом в совсем другую квартиру того же города.

Дом, в котором я поселился был обжит ещё в то время, пока я посещал начальную школу. Деревья, по весне распускающиеся ароматными, белыми цветами черёмухи, были высажены в самом начале пути расселения людей по квартирам. Я жил один. Возвращаясь домой ночью, переступая порог, меня каждый раз встречал приятный, нежный запах прошлой семьи, который въелся в обои, полы, плинтуса, в каждый уголок квартирки. Жильцы, жившие тут до меня, подарили этому месту заботу, которая теперь опекала меня. Радость от одинокой жизни в инкубаторе, созданном чужими руками, через полгода стала угасать. Каждая вещь имела своё собственное место, где, казалось, произрастали их корни. Не было возможности изменить обстановку, мне будто навязывали такой образ жизни. Я был вынужден проводить больше времени вне этих стен.

Город, приютивший меня среди своих бесчисленных построек, сохранённых переулков и парков, становился мне интересен. Прекрасно скомпонованные спальные районы серых домов, районы для молодых семей, обустроенные всеми цветами радуги и даже больше, промышленные районы, районы шоппинга и развлечений. Но как красиво не обустраивалось все под

ногами людей, на уровне их глаз, в местах труда и жизни, стоит поднять глаза вверх и сознание устремляется к бесконечности. Прямые и нестандартные кромки крыш зданий, прилипшие к небу, кажутся декорациями, и всё, что происходит внутри их границ – хомячьим театром.

Chapter

2

Мне нравится быть полезным. Изучение стремительно развивающихся технологий и возможность приложить их в своей деятельности к обществу, для создания лучшей жизни, продвижения производств, радует моё существо. Человеческий разум необыкновенен своей природой и возможностями, следствием чего стало привыкание к развитию узкой компетенции моей деятельности.

В голове, прямо в черепной коробке, что-то издавало звук замыкающей лампочки (при пониженном напряжении она включается на мгновение, гаснет на мгновение и снова включается на мгновение, сопровождая этот ритм надоедливым звуком). Будучи погруженным в работу, между строк отображённых на экране, успеваю думать об ужине, предстоящих (ещё только через два дня) выходных, о том, что стоило бы выбраться за город с ночевкой, навестить родной дом, прибраться в квартире, стоило бы разделить все свои вещи на те, что действительно нужны и те, что нужно увезти в гараж за ненадобностью. Думаю о путешествии, в которое хорошо было бы съездить на следующий отпуск, до которого мне осталось работать ещё 6 месяцев. О том, что нужно завести в квартиру какое-нибудь неприхотливое домашнее растение. Набрасываю небольшой список необходимых покупок. И при этом всё, я ощущаю полную пустоту в голове, эти размышления тихим голосом исходят из одного угла моего головного чердака. Моё основное сознание в это время потерянно блуждает по воспоминаниям, по мечтам о будущем, но никак не в настоящем. Сознание покинуло тело, оставив его функционировать, жить самостоятельно.

Очень странно и даже пугающе. Всё чётче и чётче вникаю в эти щелчки, не отрываясь от своей деятельности. Чувствую себя как под гипнозом. Не могу оторвать взгляд от текста на экране, вижу все буквы, пиксели, цвета. И при всём этом помещение будто заливают водой. Медленно, беззвучно, самой прозрачной и чуть прохладной водой, которая охватывает мои ноги, брюки намочая прилипают к икрам. Я не могу шевелиться, временами играю фокусом, переводя взгляд с буквы на соседнюю букву. Вода просачивается между кнопками клавиатуры, смывает все пылинки и крошки, подхватывает листы записной книжки, чернила на которой плавно разбухают. Поднимется по лицу и кажется, что я уже не могу дышать, заливают в уши, внешние звуки теряют яркость. Волосы на макушке вздрагивают, меня затопило.

Ещё три часа до обеда, который я не люблю, и пять часов до окончания рабочего дня. Ещё восемь часов жизни на продажу, а я уже утонул.

Каждодневно повторяющиеся ритуалы изучения города, так же вошли в привычку. Возрадоваться ново открытыми достопримечательностям или интересным заведением получалось все хуже. Неизвестные мне художники, занимающиеся росписями зданий и всяческих подходящих городских сооружений, создали целый отдельный мир на стенах человеческих построек. Целый мир ставший за год обыденностью для всех горожан. Подумав о том, как много людей живёт с теми же чувствами привычки, мне стало понятно поведение большей половины общества. И когда в моей жизни случалось что-то дарующее улыбку, будь то вкусный кофе, новая записная книжка, мрачные лица прохожих стыдили за чувство счастья. Кажется, что если ты успешный человек, имеешь стабильную работу, то обязан быть несчастным.

Chapter

3

Однажды я встретил девушку, затмившую все общество, находящееся рядом со мной. Нежная и чувственная обладательница невероятной красоты, была благосклонна ко мне. Мы виделись практически каждый день, часто могли молчать. Самым странным было то, что она

параллельно любила многих, о чем сама очень часто рассказывала, сетовала на сложные отношения с одним молодым человеком, говорила о том, как ей повезло встретить меня, что мужчина прошлого прислал ей недавно цветы и она помнит как странно его любила. Я искренне переживал с ней все моменты, ревность не зарождалась в моём сердце. Не знаю что это за магия, но девушка творила вокруг себя иной мир, уют и тепло. И тогда я решил, что дом – это человек. Не важно где я буду жить и что есть, как много у меня будет квадратных метров для хранения ненужного хлама, лишь бы она была со мной и наши души пели вместе.

Всё закончилось очень быстро, не успев начаться. Горечь породила ревность и жуткую ненависть, а позже благодарность. Я пустился на поиски «дома» в людях. Люди-дома редкость. Не всегда эти люди должны стать любовниками, такие люди просто могут быть, могут быть рядом в форме друзей. Могут, но у меня, все дома ушли под снос. Дом внутри меня заплесневел, крыша стала пропускать воду, стены обветшали. Долгое время я ходил испуская зловещую вонь.

Лекарством против грусти, на некоторое время, стали поездки в соседние поселения. Для путешествия совершенно не важна погода. Я так решил, когда стоял весной на пляжном берегу озера. Песок уже поверхностно подсох, а лёд образовывал мигрирующие островки. Ветер, выбрасывающий ветви, траву и даже обломки чёрных стволов тонких деревьев, колебал воротник моего плаща. Волосы, длиннее среднего, танцевали танго или румбу, пропитываясь влагой. Поэтому, попав в какой-то трактир, в самом сердце этого города, первым делом я подошёл к зеркалу с попыткой прибрать подсалившийся сад на моей голове.

Заказал мясо по французски, услышав о его отсутствии, перебрал почти всё меню и наконец услышав одобрение по поводу жульена, не придумал ничего лучше попросить красного вина. Я не был настроен на выпивку, но мне показалось негоже есть жульен и запивать его молочным чаем. Подкрепившись пошёл зарываться в городе судостроения о чем мне рассказали в одном из музеев, которые я уже успел посетить) и часового производства.

Телефон из кармана известил, что до отхода моего автобуса осталось полчаса.

Обещание никогда больше не пить растворимый кофе кануло в лету. Я не знал как ещё согреться на вокзале в двухчасовом ожидании опаздывающего автобуса, зато точно знал, что расчистил место в душе, от ужасно загнившего прошлого. Решено больше ничего не строить внутри себя, только сеять безграничные зелёные луга.

По возвращению ощутил радость возможности на ровном месте сорваться, пусть и не в далёкие страны, но хотя бы в соседствующие города. Каждое место, созданное человеческими руками, предназначенное для жизни, несёт в себе историю. Историй так много, что казалось бы, не стоит продолжать писать новых, но на окраине нашего городка строят новый район, а значит ещё как минимум тысяча историй лишь о освоении территорий. Ежеминутно кто-то в мире гибнет, кто-то рождается, и не только люди, но и животные, птицы и прочие многочисленные существа населяющие планету. Жизнь в каждой секунде проявляется своей полнотой, однако я, почему-то озабочен лишь мелкими проблемами, кажущиеся мне нерешаемой участью.

Сидя у городского водохранилища, изъедаемый комарами в поздний ночной час, я снова обратился к небу. Зеркало воды, темнее тёмного, отражало огни фонарей, освещающих улицы, редких машин, проезжающих звучно, в тишине ночи. И, наверное, сейчас должно выйти из воды существо, что утащит меня в омут, схватив за щиколотку. Но мне не было страшно, я хотел бы подсчитать все звезды, я хотел бы погладить поверхности всех небесных светил. Я плакал, смотрел в бескрайние просторы космоса и всё что я видел – это маленькие блестящие белые точки, которые никогда не смогу увидеть вблизи. И как утверждают атласы по астрономии, с Земли виден лишь малейший кусок нашей не самой большой галактики. Мне никогда не узнать тех, кто живёт в совсем отдалённых уголках вселенной. Больше всего я понимаю то, что мне нет места на отчей планете. Тьма усыпанная небесными телами, голосом сирены и род-

ной матери звала меня вернуться ДОМОЙ. Я плачу беззвучно, но так, что родники моего тела иссохнут в ближайшее время. Мне нужно найти пустынную змею, что вернёт меня к моей розе.

Рассказ 2

Эпилог

Всё в мире имеет какую-либо точку опоры, начало отсчёта, какое-либо место, которому приурочено начало жизни. Фактически, место рождения неизменно вписано в свидетельство, но в моём случае не говорит не о чём. Не знаю, что сокрушительного произошло в моей жизни, но я задумался о её начале. В действительности, без некоторых усилий, мне не вспомнить своих прошлых дней, и уж точно, на ровном месте, спроси меня прямо и неожиданно (и ожидаемо) рассказать о вчерашнем ингредиентном составе собственноручно приготовленного обеда я не в силах.

И всё-таки жить я начал относительно физического начала, совсем недавно. Резкая смена жительства, постоянный выход из зоны комфорта неумолимо заставляло меня изучать мир, со всеми его выходящими и входящими, тыкаться, словно слепой котёнок, в реальность, пытаюсь создать новую, непоколебимую зону, из которой меня уж точно ничто не заставит выйти. Забавно, но именно эти страдания, каким мне тогда представлялось всё происходящее, и стали прекрасным пробуждением жизни.

Проварившись в собственном соку, мир перестал мне представлять диким, но разборчивым, неподатливым животным действительно в двухцветную полоску. Благодарность и хвала этой прожорливой зебре, что съела пелену с моих глаз на лице и в душе. Ныне, я стал способен столь же искренне печалиться, сколь искренне мы можем радоваться от рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.